

Сергей Минцлов

ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М62

Минцлов, С.

М62 За мертвыми душами / С. Минцлов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 476 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72852-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72852-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Содержание

Очерк первый	5
Очерк второй	167
Очерк третий	316

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

I

Собирать книги и предметы старины так, как это делается всеми нашими любителями, — неинтересно.

Газетные объявления, аукционы, антикварные магазины — вот все источники, из которых черпают они все свои приобретения. Путь дорогой, не всякому доступный и суженный до последних пределов; в нем нет творчества, это путь бар, привыкших, чтобы жареные рябчики сами валились им в рот.

Между тем, Россия была полна оазисов, где в тиши и в глуши таились такие сокровища, какие весьма редко можно встретить на рынке. А так как не гора пошла к Магомету, а Магомет к горе, то в один августовский вечер я сел в вагон, и он понес меня в глубину России.

Через день, в сумерках, поезд, не признающий по обыкновению на боковых линиях таких пустяков, как расписание, с большим опозданием дотащил меня до станции Ельня.

Моросил дождь; на пустынном перроне одиноко стояла длинная тощая фигура не то Гамлета, не то Мефистофеля в черном кургузом плаще до талии и в черной шляпе с широченными полями. До полного сходства ей не хватало только шпаги и пера на голове.

Это был Ченников, мой приятель, с имения которого я решился начать свое путешествие.

Зоркие ястребиные глаза его сразу отыскивали меня в кучке высадившихся пассажиров, и он, бесцеремонно расталкивая всех, поспешил ко мне навстречу.

— Два часа уже тебя жду! — заявил он. — И жена со мной.

— Где же она?

— Устала, в экипаже сидит!

Я забрал свой чемоданчик и плед с подушкой, и мы вышли на другую сторону станции. У подъезда стояла рыжая тройка, запряженная в коляску с поднятым кожаным верхом. Из-под него протянулась маленькая женская рука.

— Здравствуйте, наконец-то дождались вас! — приветливо заговорил знакомый голос Софьи Михайловны.

Чемодан водрузился на козлы, мы уселись, и коляска шагом тронулась с места.

— По городу иначе нельзя!.. — пояснил Ченников, — колдобина на колдобине; выберемся на большак, иная статья пойдет! Вот посмотри, полюбуйся на нашу Венецию! — Он указал рукой на чудовищную, чуть не с Марсово поле, грязную лужу. Кругом нее тя-

нулся ряд низеньких деревянных домиков, безнадежно унылых, темных и мокрых. Скука закрадывалась в душу от их вида.

Коляску колыхало, как лодку в море, и мы поневоле «жали масло» то из маленькой пышки — Софьи Михайловны, сидевшей с одного края, то из мощей ее супруга, помещавшегося с другого. Чтобы не откусить язык, мы ехали молча. Город наконец кончился, коляска пошла ровнее. Ченников подался вперед к спине кучера.

— Ефим, тряхни! — сказал он.

Локти кучера зашевелились. Тройка перешла на рысь, потом взяла полным ходом, и мимо замелькал густой лиственный лес; шумел ветер, чавкали копыта коней, по кожаному верху стучал дождь, а мы, уютно зажавшись в глубине коляски, вели оживленный разговор о далеком Питере, о всяческих новостях и о знакомых.

Десять верст незаметно остались за нами. Ночь окончательно заволокла все кругом. Впереди замигали огоньки усадьбы, раздался собачий лай, и мы скатились в черный зев ворот; коляска остановилась у дома. В освещенной висячей лампой столовой нас ждали с чаем и ужином старик-отец Ченников и три сестры последнего.

Дмитрий Филиппович Ченников — фигура не рядовая. Он был некрасив; на впалых, желто-бледных щеках и змеистой, тонкой верхней губе у него темнели реденькие темные волоски; большой плотоядный рот при разговоре всегда ощеривался, обнажая два ряда неровных

крупных зубов; под серыми властными и внимательными глазами всегда лежала синь. Сразу в нем чувствовался себялюбец до мозга костей и что-то хищническое.

И он, действительно, был большой хищник... волк по женской части в своем уезде! Женщина была его альфой и омегой. Жизнь его являлась сплошной охотой на них, циничной и откровенной.

В Питере женщинам он не нравился: в нем было слишком много уездного, начиная с речи, не всегда правильной, чисто смоленской, с его «видитя», «слушайтя» и т. п. Студентом Харьковского института дома на каникулах он производил фурор: грива волос на голове, небрежный костюм, горячие речи и тон а ля Базаров — все это действовало вокруг Ельнинской лужи потрясающе. Ветеринарные студенты ведь всегда сердцееды и «нигилисты»!

Одевался он, как художник: на шее гигантской бабочкой торчал необыкновенный по величине и яркости бант; длинные волосы падали почти до плеч. Но он обладал тем, что у уездных франтов обыкновенно отсутствует: большой наблюдательностью, тонким юмором и умом, делавшими беседу с ним всегда интересною. И когда вы говорили с ним, то чувствовали, что перед вами талантливый человек.

Что в нем было поразительно и неподражаемо — это мимический дар. Иногда среди разговора он вдруг пону-ривал голову, скрещивал на груди руки — и вы уже хо-

хотали: перед вами стояла живая, метко подмеченная карикатура того, о ком шла речь.

Незадолго до нашей первой революции Ченников зимы стал проводить в Петербурге, где я и познакомился с ним. Он выпустил «Думский Альманах»¹ с карикатурами на события тех дней и на членов Первой Думы. Все вызывавшие такой смех читателей позы действующих лиц художники рисовали с самого Ченникова.

Актер он был великолепный, но сценой почему-то не интересовался. Студентом и позже он увлекался писательством, печатался, но потом забросил перо и взялся за издательство. Года через три он оставил и это, и значительно позже описываемого здесь времени, в сорок лет, вдруг взялся за кисть и за палитру и, не учась, самоучкой, после нескольких плохих картин овладел техникой и так быстро пошел в гору, что последние работы его — пейзажи — уже можно назвать художественными произведениями. И это увлечение погасло... Искрами от костра разбросался и исчез, не создав ничего, большой талант...

Еще крепкий, но уже впадавший в детство добродушный сатирик и три безнадежно целомудренных старых су-

¹ «Думский альманах» — под таким названием в Петербурге в 1906 г. действительно вышел альманах из 16 страниц, который представлял собой альбом карикатур. Экземпляр этого издания имеется в Отделе эстампов ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Имя издателя на нем не указано.

харя разных форматов, — вот что такое были сестры и отец Ченникова.

Я увиделся с ними в первый раз в жизни, но папаша встретил меня радостно, будто старого знакомого, и обеими руками крепко пожал мою.

Во время ужина он сидел за большим овальным столом против меня и раза два лукаво подмигнул мне глазами. Грозные взгляды — шпаги — всех трех дев заставляли его подымать свои выцветшие зеркала души к потолку и с невинным видом барабанить перстами по столу.

В чем заключалось дело, я понял после ужина.

Выпал миг, когда я один остался в столовой и вдруг почувствовал, что кто-то дергает меня за рукав. Я оглянулся: из-за большого фикуса на меня глядело лицо старика.

— Женский пол любите? — шепотом, но довольно громко спросил он. Не успел я раскрыть рот, как старик отвернулся, замурлыкал и уткнулся в оконное стекло.

— Ах, старый черт! — укоризненно произнес голос вошедшего Дмитрия Филипповича. — Сказано тебе раз навсегда, чтобы не смел приставать ни к кому. Убейся вон!

Старичок бочком выбрался из зеленой заросли.

— А ты-то, Митечка, сам любишь ведь? — забормотал он с заискивающим видом, — беседка-то, а?

Дмитрий Филиппович помог ему ускоренно достигнуть двери и захлопнул ее.